

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

— Ой, Марина! Чтобы вы знали: я тот человек, который делает все наоборот. Клянусь вам. Два дня меня уговаривал Марк Захаров перейти к нему в театр. Это после того как мы сняли "Двенадцать стульев", я там маленькую рольку играл — инженера Брунса. Марк квартиру давал, Брониславу Константиновну, мою жену, не глядя брал в театр. И потом Гончаров меня приглашал в Театр Маяковского с жильем...

Сейчас в Москве я согласился репетировать у Алики Парры в интересной пьесе. "Если ты сейчас мне откажешься..." — сказал он. Так, вы будете вопросы задавать?

— А как же, Михаил Семенович. Не стреляться же мне на Черной речке с вами,

— Стоп, поехали.

— Значит, по принципу "наоборот" вы сначала подались в музыканты, а потом в артисты?

— В артисты-то меня не приняли. На консультации в ГИТИСе я читал "Оратора" Чехова и Михалкова: "На рынке корову старик продавал" (декламирует). Старушка одна (я ведь никого не знал тогда) сказала мне: "Вы готовый эстрадный мастер. У вас очень широкие верхние зубы". Но зубы не замерли. После этого я пошел на биржу, в Сад Баумана, где собирались провинциальные артисты, которые кочевали из театра в театр. Называлась она "Бюро по трудоустройству актеров". В общем, я приперся на биржу, и там один мужичок перехватил меня. Дал подъемные и определил в театр города Камышина. А театр (бьет рукой об руку) — то, что мне нужно. Хоть в Камышине, хоть в Кисловодске.

И вот я приехал в Камышин. И столкнулся лоб в лоб с этой женщиной. Ужас! Поймался. Русская красавица...

— Судя по тому, что все наоборот, этот брак вам противопоказан. Не должны были на ней жениться.

— Не должен. А кто думал, что я столько с ней проживу? Я рассчитывал раз туда — раз сюда. Как обычно бывает в театре. Застрял. О! Нам дали роли, Марина, в "Браке поневоле". Я играл старого Сгонореля на каблучках, а Бронислава Константиновна — Доримену. У нее — о... была прекрасная фигура.

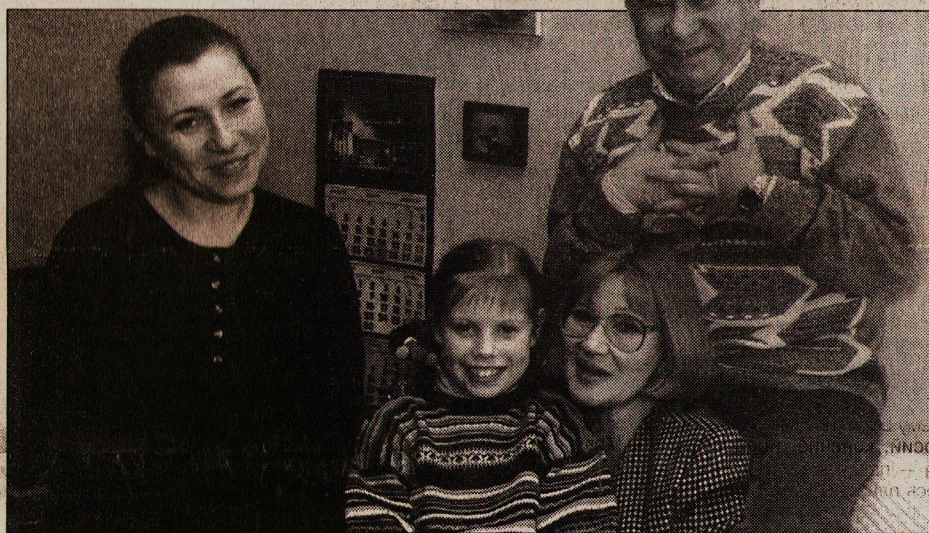
— Так вы на фигуру клонули?

— Клонул, честно. Горячий был, молодой. Увидел — куда деваться?

— А как же она за вас такого, извините, мелкого пошла? Красавица, на голову вас выше...

— Помните, у Жванецкого есть: "А эта, ядовитая, где она меня нашла?" Прекратите смеяться. Я ее шантажировал: "Будем жениться?" — спрашивал. "Нет". — "Тогда я женюсь на другой". — "Тогда я согласна". Это действительно так было 40 лет назад. (Смеется). Она, между прочим, в серьезном театре работает. У Додина. И там все время играет трагедию русского народа в "Братьях и сестрах". Там деревня... В платочке ходит... Приходит после спектакля вся такая — ух (серьезная гримаса — лицо в кулачок). А я после спектакля такой веселый... (расплывается, как блин на сковородке).

Он идеальный пример для того, чтобы почувствовать разницу между артистом и его комическими персонажами. Как выяснилось, никакой разницы нет. Комик Михаил Светин, маленький, как вьетнамец, в жизни оказался таким же смешным, как на экране. Так же налегает на слова. Фразы бросает на полпути, как неверный муж. Другой скажет — и ничего. А у него все уморительно выходит. Физиономия опять же... Он не стесняется в выражениях и ругает себя в основном идиотом. Я обнаружила его в бывших царских покоях загородного дворца на окраине Питера, у Черной речки, — ныне военном санатории. Шут в царских апартаментах выглядел весьма по-домашнему: тапочки и спортивный костюм, рядом жена.

ИДИОТ
НАОБОРОТ

Мы работали на периферии, поменяли шесть или семь театров. В Петропавловске были, в Иркутске, в Кемерово, в Пензе, в Петрозаводске. И потом некуда было деться — Питер рядом, тут же и остались. Поэтому я и не поехал к Захарову: только-только на Фонтанку из подвала перебрался. Двухкомнатную квартиру получил, аж 30 метров. При мысли снова паковать манатки, покупать контейнер... Да пропади все пропадом.

Мы испытывали все прелести провинции. Днями-ночами плутали в машине по целине: артисты в кузове грузовика, рядом ящики с костюмами. Въезжали в деревню — ой, это ж сколько вспоминать (хватается за голову) — бежали мальчишки: "Артисты приехали!", а мы — сразу в клуб захватывать места, что где спать будет — в директорском кресле, на сцене или на стульях в фойе? Утром покупали молочка, хлеба, вечером играли Гольдони, а после ночевки в следующий совхоз отправлялись.

— Скажите, Михаил Семенович, цену актерской жизни можно узнать только так, помогавшись по городам и весям?

— Это очень важно испытать то, что мы испытывали. Я играл по 33 спектакля в месяц. В Барнауле меня покойный Жора Бурков на руках из театра в "скорую помощь" вынес. А у меня — 40 температура, руки-ноги скрючило. Тело онемело, как дерево. Дикий страх, что сердце остановится. И тут, как только у меня бывает, вместо нормальной больницы меня привезли в... гинекологию. Вокруг белые халаты, все смотрят, не знают, с какого конца ко мне подступиться, а я коньки отбрасываю. Врач соорудил и дальше погнался машиной. Это уже потом в неврологии, когда меня накололи, начался отходняк. Врач сказал, что это была истерия, нервная система перенапряглась.

— А вы Счастливец или Несчастливец?

— Я был Счастливец. Я был веселого нрава. Не унывал. Когда мы поженились, артисты подтрунивали, что наша смешная пара долго не про-

тянет. И только старый комик сказал: "Прекратите. Это не тот случай". Вот 40 лет. А я говорю — 40, а не 39. Бронислава Константиновна, прекратите. Тут вам не "Братья и сестры".

— А правда, Михаил Семенович, что вы вечно ссоритесь с начальством?

— С начальством я всегда ссорюсь. Когда меня спрашивают: "У вас есть дружба в актерском мире?" Я говорю: "Нет!!!!" Я перестал верить артистам. Был один артист... Все... Все... Не в жилу это рассказывать! Дальше поехали. Да бог с ними — артистами и начальством.

Я тебе больше скажу: я у Гайдая не снялся в последнем фильме "На Дерибасовской хорошая погода..." по своей же глупости. Умные люди, когда режиссер звонит, первым делом что спрашивают? "Где съемки будут?" А я не спросил, во мне разыгрались творческие амбиции: "Леонид Иович, ну что вы мне предлагаете одну и ту же роль?" Он мне терпеливо объясняет. А я, который в любом дерьме готов сниматься и снимался, отвечаю: "Надо подумать, Леонид Иович". И Гайдай обиделся. В Америку вместо меня полетел Джигарханян. Провинциальные замашки! Идиот! С Даниелей такая же история вышла. Я же говорю, что я человек наоборот. Ну задавай свои вопросы.

— Комиками рождаются или становятся?

— Комиком нельзя сделаться. Я с четырехлетнего возраста, сколько себя помню, смешил людей. Хотел, чтобы смеялись вокруг. В детском саду читал, танцевал, болтал без умолку. Мог спокойно сказать: "Ленин умер, и дело его умерло" (не смеется). В школе — то же самое.

— На юморе выезжали?

— Меня выехали в середине года. Я обнагел до предела: мой вопрос учителю — класс в халат. Меня несли. Завуч проставил оценки за все четверти вперед и сказал: "Уходи из школы". Поэтому я и пошел в музыкальное училище, чтобы среднее образование получить.

— Кстати, а сейчас-то вы как духовик что-нибудь сыграть сможете?

— Черт его знает. Гобой я свой давно продал. На фортепьяно обожаю поиграть.

— Комики выживают в любой ситуации?

— В Ташкенте в эвакуации во время войны... Я был самого маленького роста. Волос — пепельный. Я по-узбекски шпарил, как на родном, без акцента. Все думали, что я местный татарин. Что я делал? Набирал в чайник холодную воду, ходил по рынку и по 5 копеек продавал. Я кормил семью. Да все деньги были у меня, Марина! Я распоряжался деньгами! А мне — 10 лет! Мама ничего не могла продать. Я продавал. Я притворялся, что ворую. У рынка стояли перекупщики, я шел мимо и делал вид, что за пазухой у меня краденое. У них глаза загорались, меня оттаскивали в подворотню: "Сколько просишь, пацан?" Все воровали и продавали.

— А вы воровали?

— Нет. Никогда. Мне предлагали. Меня втягивали в мажоран. Со мной воровки делились (показывает, как в военном Ташкенте резали сумки маленькие умелцы). Но что-то у меня в крови: никогда в жизни чужого не взял. Но косил под вора, чтобы продавать. Это была игра. Я здорово изображал человека, который украл и всего боится. Я приносил все домой. Редко позволял себе пирожок взять. И до сих пор все в дом тащу. А какая у нас история с чулками вышла... (Передо мной разыгрывается получасовой спектакль, как у семьи Светина хотели в Ташкенте украть мешок хлопковых чулок, предназначавшихся для продажи. Но вору обломались.)

— Михаил Семенович, скажите честно, у вас никогда не было комплекса мужички маленького роста?

— Не-а. Не-а. Мне наоборот всегда нравилось быть маленьким, и я издевался над длинными. Не-а, не комплексовал даже с девочками, женщинами. Я всегда любил крупных баб. Я мог идти рядом с высокой и чувствовать себя героем. Я любил до армии переодеваться в женщину. Вот на таких шпильках ходил! Фильдеперсовы чулки натягивал! Во!

— Зачем?

— Разыгрывал. Сейчас бы меня не так поняли (хохочет). Я пудрился. Шпильки. Парик. Грудь подкладывал... И, крутя задом, под ручку с моим другом Витькой шел по улице. Кокетливо спрашивал приглянувшихся мужчин: "Вы женаты?" — "К сожалению, женат", — отвечали они, потупля глаза. Офицеры так и стреляли глазами (изображает офицеров, глазищи и свое дамское кокетство одновременно). Зачем-зачем? Я человек упрямый. Много лет перед сном я говорил в подушку: "Я хочу быть артистом" (три раза). А уже засыпая: "Я хочу быть известным. Я хочу, чтобы меня знали. Боженька, помоги мне".

— И когда в 40 лет он вам помог, вы уже стали твердить в подушку: "Хочу быть богатым?"

— Нет. Я постепенно перестал говорить в подушку. Больше просил о здоровье, чтобы сил дал дочку поставить на ноги, потом внуку.

— А виллу на море купить?

— Не хочу. Я море терпеть не могу. И не хо-

чу, чтобы теперь на улице узнавали. Хочу, чтобы меня узнавали там, где я хочу. Чтобы руку не жали, когда я еду в метро.

— Вы хотите мне сказать, что пользуетесь метро?

— Я же не вожу машину. Баранку в руки не брал никогда. Машины у меня нет. Марина, у меня же ни черта нет. Двухкомнатная квартира на Фонтанке — 30 метров. Дача — фундамент бхб шесть лет как стоит. Я как был провинциальный актер без всего, так и остался им. Верю, я не могу привыкнуть, когда высокое начальство ко мне с почтением обращается. Думаю: наверное, ошиблись.

— Каждый комик мечтает о трагической роли. А трагическую вы сыграть сможете, если дадут?

— А я играл еще давно очень серьезную роль — начальника снабжения на Севере, такого еврейского человека, с мудрой еврейской психологией. И мне это стоило столько здоровья! Меня мучил режиссер. Он кричал: "Ты пустой, как барабан". И все-таки я играл эту роль.

А был еще интересный случай, когда я репетировал Крутицкого в спектакле "На всякого мудреца довольно простоты". Перед выпуском режиссер признался нам, что у него ничего не получается: "Завтра я разрешаю вам делать все, что вы хотите". И я ночью думаю: что мне такое сделать, чтобы взорвать сцену? Придумал: Глумов придет ко мне, а я спрячусь. Он давай озирается, а я из разных мест, как черт, буду выскакивать и текст говорить. Всю ночь промучился, никому ничего не сказал. Начался спектакль. Вошел Глумов, озирается, ищет меня, перепугался, бедняга: "А где Светин?" — спрашивает на весь зал. В общем, режиссер снял меня с роли. Он не понял, что я придумал.

Я вот заметил, что на концертах, когда я говорю серьезные вещи, зритель вежливо так хлопает. А когда смешное — "бис" орет. Но вот у меня сейчас есть спектакль "Дон Педро" (с Игорем Дмитриевым на двоих), где я сам себя и зрителей переплюнул. Я там не обаятельный маленький человек. Я — мешанин, воинствующий пенсионер, который потом от жизни ломается. Вначале зрители много хохочут, а потом, когда он сходит с ума, потому что не может сбежать от себя в Бразилию, вот тут начинается. Люди плачут. Слушайте, Марина, у меня впервые такое. Мне сейчас наш режиссер предложил роль в "Лекаре поневоле". Я задумался: брать или не брать? Я не хочу чистой развлекательной заимать.

— Вы решили сменить амплуа комика?

— Насчет комика... Очень благодарная у него участь. Одна девочка мне после спектакля как-то сказала: "Ой, Михал Семенович, я так смеялась, так смеялась, аж скулы свело. Если бы вы малость подучились, вы таким бы клоуном были!". (Хочет, оч. заразительно). Быть чистым комиком — это неактуально. Надо, чтобы грани были разными. Роль хочу трагикомическую, а в кино все то же самое предлагают — маленьких смешных человечков с одной краской. В этом смысле мои идеалы — Тотто, Фернандель, Мазина. Вот в "Ночах Кабирии" она смешная, а потом как она все заворачивается...

— А что это за история, Михаил Семенович, у вас вышла с одним бизнесменом из Голландии? Весь Питер потрясенный рассказывает, что вы отказались взять у него деньги на операцию сердца.

— Откуда вы знаете? Вот журналисты... (Очевидно, за это наливает мне кофе). Приехал тут один крупный бизнесмен из Голландии. Привез мне привет от одного друга. Ну пригласил нас с приятелем в ресторан. Мы там хорошо напились, и он говорит: "Я хочу сделать тебе гуманитарную помощь. Хочу дать 10 тысяч долларов". Пьяный разговор был, но он за свое: "Я все равно привезу". И вдруг в половине четвертого утра звонок по телефону. Мы вскочили. "Миша, выйди, я тебе дам кое-что". Я спросонья: "Кто? Где? Что?" — "Да это Саша" — "Какой Саша? С ума сошел? У меня жена спит!" — А сам выглядываю в окно, там здоровущая машина стоит. "Саша, — говорю, — не нужны мне твои деньги. Ты меня этим унижаешь. Ты думал, я побегу, как собачка...". Понимаешь, я заелся. Он принес 15 тысяч долларов. У меня таких денег сроду не было. А я не принял. Он обиделся, уехал. У меня все наоборот. Я же говорил. Моя обида не в том, что без денег остался. Вроде человека обидел. Все комики рано или поздно кончают трагедией или трагикомедией (смеется).

Операцию мне все-таки сделали. Что вы требуете опять, Бронислава Константиновна? Что я там удушил? Я был уверен, что усыплюют маской, а мне шокворное в вену ввели. Вкатили в операционную, вокруг — все в очках, одинаковые, как бандиты: им только нож дай. Приказывают: "Залезайте" — и халатик стягивают с меня. Дают масочку: "Подышите". Я дышу усиленно и не понимаю, почему не отключаюсь. Все вижу, слышу. Стараюсь дышать глубже. А у меня маску отнимают, но я же все слышу. Они за свое. Я — за маску. Врач готов меня убить, но я в нее вцепился. После операции доктор мне сказал: "Мы же тебе кислородную маску дали..."

— И все-таки, Михаил Семенович, Светин — это фамилия или псевдоним?

— Псевдоним. В 65-м году родилась моя Светка, я и стал Светиным. Когда деньги за съемки стали приходить с киностудий на имя Светина, мне не хотели отдавать. На почте говорят: "Мы вас знаем как Светина, а в паспорте-то вы Гольцман". В гостинице та же история. В 83-м я сменил паспорт, но люди, боюсь, подумают, что я скрываю свою фамилию. А я просто Светин.

— Раньше я была уверена, что комики и клоуны — это самые большие в мире зануды. Теперь — не верю.

— Марина, это точно. Я нытик. Ворчун. Но самое интересное — я до сих пор возраста не чувствую. Как это объяснить? Я, наверное, до смерти буду прыгать, бегать. Обидно только: лицо провиснет. Надо подтяжки сделать.

— Вы это серьезно? Сначала история с переодеванием, а теперь вот косметическая операция? Подозрительно.

— Ой, смотри, смотри — купилась! (Хочет, как будто его щекочут).

Марина РАЙКИНА.
Санкт-Петербург — Москва.
На снимках: Михаил Светин.
Семейство Светиных.